

Когда снежинки станут разными

Агата Бариста

Леша Балестин был гениальным ребенком. Так считали не только его родители, обе бабушки и дедушка, папин папа. Об этом шептались воспитательницы в садике, это был вынужден признать не один детский психолог, и, возможно, именно это имел в виду друг семьи, знаменитый писатель Николай Нуар, когда, послушав Лешу, крякнул и процитировал: «Вот та молодая шпана, что сотрёт нас с лица земли».

Конечно, будучи литератором, Николай Нуар изъяснялся привычно метафорически. Определение «шпана» менее всего подходило Леше, который в свои семь выглядел ангелочком, слетевшим с итальянской фрески, — ореол кудрявых волос, большие темные глаза, чаще всего устремленные куда-то вверх — в дали, недоступные остальным, гранатовый ротик, сложенный задумчивой складкой. Но когда этот ротик открывался и начинал говорить, взрослым становилось не по себе. Лешина манера осмысления окружающего мира настолько отличалась от общепринятой, что производила впечатление чуть ли не ущербного косноязычия, однако — непостижимым образом — через какое-то время у слушателя возникало ощущение предельной точности сказанного.

До пяти лет диковинно лепетавшее дитя водили по специалистам, большинство склонялось к гибкому диагнозу «расстройство аутического спектра».

На шестом году жизни Леша наконец заговорил связно и впервые прочел свое стихотворение, затем еще одно, и еще, и еще... семья выдохнула с облегчением. С мальчиком все в порядке, просто он родился Поэтом. Бог не просто поцеловал Лешу в темечко, но к тому же уважительно пожал ему руку. Стало ясно, что в то время как сверстники складывали пирамидки из колечек и башенки из кубиков, Леша возводил пирамиды из гипербол и башни из метафор.

Бабушки уверовали первыми и принялись истово записывать чуть ли не все, что произносил чудо-ребенок в их присутствии. Та бабушка, что была без дедушки, начала выкладывать стихи внука в Сеть.

«Мальчик, который взорвал Интернет» — не прошло и месяца, как Алекс Балестин был причислен к виртуальному пантеону подрывников, но известность принесла не только сладкие плоды славы. Тернии в виде болезненной заинтересованности различных неуравновешенных личностей не замедлили явиться. Самый прискорбный случай выглядел

ФАНТАСТИКА

так: некая дама предпенсионного возраста пробралась в детский сад и перепугала всю подготовительную группу, включая воспитателя Валерию Павловну, заявлениями о том, что Леша — новоявленный антихрист и пришел в наш мир, чтобы его разрушить. При этом дама норовила упасть перед Лешей на колени в порыве благодарности, поскольку все происходящее вокруг давным-давно возмущало ее до глубины души, посему она горячо приветствовала грядущий Апокалипсис.

Безумицу увезла полиция, несколько воспитателей окружили Лешу, без конца уверяя, что все закончилось, бояться больше нечего, страшную тетеньку забрали дяди полицейские.

— Я не испугался, — успокоил их Леша. — Было красиво.

Валерия Павловна вскинула бровки:

— Что же ты красивого увидел, Лешенька?

— Она красиво засохла, — пояснил Леша. — Как цветок. Бровки приподнялись еще выше, и Леша отвернулся.

...Руки — тонкие, в темных пятнышках, похожих на гречневую крупу, глаза в совиных кругах осыпавшейся туши, коричневые, с желтыми прожилками юбки, разметавшиеся по ковру... на эту картинку призрачно накладывалась другая: истончившиеся стебли, листья без капли влаги, нежные полупрозрачные лепестки в мельчайших морщинках — его нельзя было выбрасывать, мамин восьмимартовский засохший букет, таким значительным оказалось его посмертное существование. Будто умирая, растения хотели избежать всеобщей для живого судьбы, извернуться, сбежать в другую реальность, и из этого стремления постепенно вымучивались-выкручивались их новые совершенные изгибы.

Слов для этого не было — пока.

Спустя какое-то время Алекс Балестин достанет два воспоминания, нанижет их на общую ось, которую ясно увидел еще тогда, когда незнакомка ползла за ним по ковру, пытаясь ухватиться за клетчатый край выбившейся из джинсов рубашки. Он станет перемещать образы, сминать, растягивать их, удерживая при этом единый центр, и будет манипулировать так, пока в получившемся конструкте нельзя будет сдвинуть ни единой буквы. Вот тогда можно будет рассказать об этом дне и освободить место для новых построений.

Когда пришла пора, Лешу записали в гимназию — старейшую в городе, с языковым и естественно-научным уклоном и, что немаловажно, с прекрасно охраняемой территорией. В престижном заведении училось немало детей, чьи родители также испытывали неудобства, связанные с публичностью. Сыну рядовых инженеров попасть в эту школу было так же нелегко, как верблюду (пусть даже верблюжонку) пройти через игольное ушко, однако директриса гимназии оказалась большой поклонницей таланта Алекса Балестина.

В отличие от его классного руководителя.

Первая учительница Леши оказалась скорее его антагонистом. Клавдия Васильевна обладала недюжинным опытом, имела звание заслуженного педагога, и ее нешуточно раздражало то обстоятельство, что все водят хороводы вокруг мальчишки, случайно догадавшегося, за какие ниточки нужно дергать, чтоб окружающие воспринимали его поэтические куличики всерьез. Клавдия Васильевна и сама имела тайную страничку в Интернете, где под псевдонимом Элина Солнечная публиковала жизнеутверждающие рифмованные советы не грустить и не хмуриться, дарить улыбки окружающим, верить в светлое будущее и особо рекомендовала читателям любоваться всем первым — первыми лучами солнца, первыми цветами, первой листвой — как зеленой весенней, так и желтой осенней, первыми росинками, дождинками, снежинками, льдинками и прочими чудесными природными явлениями.

Узнав, что один из ее новых учеников не без успеха подвизается на поэтическом поприще, Элина Солнечная сочла своим долгом ознакомиться с сочинениями Алекса Балестина.

Причина поднятой шумихи осталась ей непонятна. В стихах Балестина, по-детски неровных, вещи никогда не назывались своими именами, слова не выстраивались в предсказуемую логическую цепочку и были сцеплены друг с другом скорее ассоциациями, нежели привычным порядком. Приходилось неоднократно перечитывать строки, прежде чем наступало относительное понимание, что, собственно, имелось в виду. Это была не настоящая поэзия с ее классической стройностью и ясностью, а современные выверты, которые заслуженный педагог не жаловала. Однако, считая себя человеком строгим, но справедливым, Клавдия Васильевна не собиралась выказывать свою неприязнь; в конце концов, считала она, неразумное дитя было больше игрушкой в руках взрослых, нежели самостоятельной фигурой.

Раздавая листочки со стихами, которые надлежало выучить для школьного утренника, именно Балестину Клавдия Васильевна поручила зачитать одно из лучших творений Элины Солнечной. Ему достался светлый лирический стих о том, что фантазия природы не имеет границ, все меняется и не стоит грустить при виде опадающих листьев — ведь скоро над землей закружатся первые снежинки, а потому надо улыбнуться встречному прохожему, дабы передать ему частичку тепла своей души.

На генеральной репетиции Клавдия Васильевна была неприятно удивлена: Балестин ежесекундно запинался и бессмысленно переставлял местами такие, казалось бы, простые и запоминающиеся слова как листочки, дождинки, слезинки и снежинки. На строчке, объясняющей, что улыбка подобна солнечному лучу, он и вовсе замолчал.

— «Улыбкой одари как солнечным лучом...» — подсказала Клавдия Васильевна, но молчание длилось и длилось. — Ну? В чем дело, Балестин? Неужели так сложно выучить несколько четверостиший? Уж от тебя, звезды нашей, никак не ожидала.

— Сложно. — Балестин уставился в пол. — Там... пустота.

— Где пустота?

— Там. — Он пошелестел листком со стихами.

Загомонившие было первоклассники примолкли и стали прислушиваться к разговору.

Клавдия Васильевна совершила над собой усилие и заговорила нарочито мягко. Медовые интонации всегда появлялись в ее голосе, когда надо было скрыть от окружающих истинные чувства.

— Ну что тут может быть сложного? Вот смотри. В первом четверостишии рассказывается о грусти, что возникает при виде пасмурной погоды...

— У меня не возникает, — сообщил Балестин, подняв и тут же опустив свои ангельские ресницы. — Мне нравится.

Нравится ему. Пушкин ты наш, в раздражении подумала Клавдия Васильевна.

— Хорошо, Балестин, ты у нас особенный. А другие грустят. Класс, всем грустно осенью?

— Да-а-а-а... — раздался протяжный нестройный хор.

— Видишь? Осенью всем грустно, и это нормально. Понятно?

Балестин по-прежнему глядел в пол.

— Далее автор описывает красоту осени и советует не грустить. Что опять непонятно?... «Как лист увядший падает на землю...»

— ...На душу.

— Что? — не поняла Клавдия Васильевна.

— Падает на душу. Так лучше.

— Душа, дружок, у нас будет дальше: «Как лист увядший падает на землю, так грусть пускай уходит из души». Класс, всем все понятно?

Снова раздалось хоровое «Поня-а-атно...»

Один Балестин угрюмо безмолвствовал, изображая партизана на допросе.

— В конце стихотворения воспеваются жизнь и бесконечное разнообразие природы: «Пускай приходят зимы с холодами, неповторима как снежинка жизнь твоя».

— Может, повторима...

Клавдия Васильевна снисходительно усмехнулась. С таким упрямством ради упрямства она успешно справлялась уже лет двадцать.

— Ну что же ты, Балестин? Мы в понедельник об этом говорили, на «Окружающем мире». А ты в это время где был? В облаках витал? Спал? Не бывает одинаковых снежинок.

— Может, иногда бывает.

— Не бывает. Наука говорит, что это невозможно.

— А папа говорит, если сто миллионов обезьян посадить за компьютеры, то они начнут колотить по клавишам, и через сто миллионов лет какая-нибудь обезьяна случайно напишет «Войну и мир».

Произнося эти слова, противный мальчишка почему-то вначале перевел взгляд на листок, который держал в руке, а потом ясными глазами взглянул прямо на Клавдию Васильевну, и она почувствовала, как кровь приливает к лицу. По медовой поверхности начало расплываться дегтярное пятно.

— При чем здесь обезьяны?

— Может, и снежинки раз в сто миллионов лет бывают одинаковыми.

Клавдия Васильевна решила поставить в дискуссии точку.

— Не бывают. Дневник мне на стол, Балестин.

К сожалению, нельзя было вклеить строптивцу большую жирную двойку, в первом классе оценок не ставили. Но Клавдия Васильевна с удовольствием подмахнула размашистым почерком замечание на полстраницы, где родителям было сообщено и о препирательстве с учителем, и об отказе участвовать в школьном празднике, и о рассеянности и невнимательности на уроках.

Клавдия Васильевна перечитала замечание и почти наяву услышала, как где-то далеко удовлетворенно вздохнула отомщенная Элина Солнечная.

— Можно-можно, — рассеянно сказал отец. — Только смотри, особо не расслаивайся, кое-кто все вкусы слопает, и привет.

Громов нахмурился с подозрением:

— На кого это ты намекаешь?

— Допустим, на себя, — ответил отец. — А что это ты так разволновался?

Взрослые засмеялись и вышли.

Леша забрался с ногами на стул и принялся изучать дикувинную штуковину — арт-объект, как назвал его Громов.

Камешки были разноцветными — зеленоватые, красные с белыми прожилками, серые в черную крапинку. Отверстия в них не были проделаны рукой человека, такие камни с дырочками находят на берегу моря и называют «куриными богами». Леша взялся за свинцовое основание и начал поворачивать объект, пока не добрался до глиняного человечка.

Действительно, круглое лицо было обрамлено выступающим обручем, в этом — при горячем желании — можно было распознать намек на космический шлем. На месте носа у человечка были две дырочки, вместо глаз — выпученные горошины, небрежно прочерченная линия рта косо уходила влево. Что касается общего вида, то тут представлялось возможным двоякое толкование: не то неизвестный художник на самом деле пытался изобразить скафандр, не то человечек просто-напросто был пухлым обжорой и вообще проглотил больше, чем смог прожевать.

Леша склонялся ко второму варианту.

— Пузан! — сказал он, толкнув фигурку в брюшко. — Робин-Бобин-Барабек!

Полюбовавшись человечком, Леша вновь стал вращать основание, пока фигурка не описала несколько полных кругов, и при движении ему почудилось, будто он примечает систему в том, как расположены предметы между проволочными линиями. Это чем-то напоминало стихи, где среди неброских фраз, служащих основой, Леша тоже прилаживал слова-ракушки и слова-перышки. Он даже невольно зашевелил губами — казалось, еще немного, и получится сказать вслух что-то важное...

Приблизив лицо так близко, что проволоки стали подобны толстым прутьям, он обнаружил, что внутреннее пространство по вертикали пронизывает стержень, тоже свитый из проволоки и усеянный черными бусинками-перчинками.

Леша, полураскрыв рот, вглядывался в темный блеск.

Бусинки были зрячими, и они уставились на Лешу в ожидании.

Это ожидание никак нельзя было обмануть. Он привычно распахнул разум, чтобы принять знаки, на сей раз заключенные в чередовании проволочных линий и расположенных между ними предметов, и чтобы, как всегда, сложить полученные образы в определенную систему.

Стихи на этот раз пришли совсем издали. Слова казались знакомыми, но если б кто-то заглянул сейчас в комнату, то вряд ли опознал бы хоть что-то из человеческого языка в глухом торопливом бормотании, совсем не похожем на детскую речь. Но никто не заглянул. Из гостиной доносились звяканье столовых приборов о тарелки, взрывы хохота и перекрывающий их бас Николая Нуара — писатель в красках живописал свою поездку в Германию, где готовился к выходу трехтомник его сочинений.

Леша уяснил, что нынешнее стихотворение особенное,

когда стержень, усеянный бусинами, замерцал мягким зеленым светом и начал вращаться по часовой стрелке.

Леша отпрянул.

Желтые обои позеленели, по стенам и потолку побежали тени. Вслед за стержнем пришли в движение и внешние проволоки. Двигались они хитрым способом — вращалась только середина проволочной конструкции, а основание и верх непостижимым образом оставались на месте.

— Оптическая иллюзия, — произнес вслух озадаченный Леша и потянулся пальцем, чтобы проверить, действительно ли это так.

Но палец наткнулся на что-то невидимое, упругое, и одновременно показалось, будто невидимые мышки пробежались в голове. Такое было ощущение — легкие лапки, перебегающие от воспоминания к воспоминанию.

— Включена защита от внешних воздействий, — объяснил голос внутри Лешинной головы. — Балестин, отключить, дружок?

Голос принадлежал его учительнице, Клавдии Васильевне. Леша чуть было не свалился со стула от неожиданности и долго соображал, приоткрыв рот, но потом догадался, что разговаривает та штуковина, что стоит перед ним на столе.

— Не надо, пусть будет, — сказал он, подумав. — А ты кто?

Штуковина тоже подумала и сообщила:

— Я — Исполнитель.

Леша неуверенно оглянулся на дверь. Может, это Громов замыслил шутку с передатчиком и гости за столом покатываются со смеху вовсе не от шуток дяди Коли? Но записать для розыгрыша голос его школьной учительницы — это было слишком даже для Громова.

— Исполнитель? А что ты исполняешь?

Исполнитель заново перебрал лапками его мысли и нашел подходящее объяснение:

— Исполняю желания.

— Чьи?

— Твои, Балестин, звезда Интернета... — После небольшой запинки голос Клавдии Васильевны задумчиво произнес: — Негативная реакция на звуковые вибрации наставника... Коррекция...

И продолжил дальше голосом Нины Елистратьевны, детсадовской нянечки:

— Желания я исполняю, Лешенька. Уж такая ты умничка, такая разумничка, код прочел, право имеешь приказывать. Исполню, если надобно будет.

Штуковина оказалась вовсе не арт-объектом, а как бы джинном. А он, Леша, кем-то вроде Аладдина. Леша сглотнул слюну и замирающим от предвкушения голосом сказал:

— Надобно. Мне надобно. — Потом уточнил: — Все-все исполнишь?

— Ой, не все, Лешик, не все. Только в пределах планеты, космос не потяну. Много времени под земляным холмом провела, хозяйского догляду за мной не было, обновлений не получала... разладилась маленько. Не слышу ведь хозяев, совсем не слышу. Нет их здесь. Никого нет. Один ты меня услышал, зайчик, так что приказывай, а я уж постараюсь.

— ...Ну, давай... конфету, что ли... «Мишку на Севере»...

На самом деле, конфету Леша не так чтобы сильно хотел. Это было желание на пробу.

Джинн на какое-то время затих — наверное, выяснял в Лешинном сознании, не надо ли ему предоставить тушу полярного медведя, облитую шоколадом.

Вращение проволочек приостановилось, затем они за-

дрожили и вновь пришли в движение, причем движение это происходило в разных направлениях и немного напоминало анимационное изображение атома из познавательного мультфильма «Приключения Микрончика». Предмет на столе больше не напоминал перевернутую елку, а приобрел сферическую форму. Камешки, ракушки, перышки мелькали пестрыми размытыми пятнами. Только человек каким-то чудом оставался неподвижен и таранился на Лешу черными горошинами.

С еле слышным жужжанием воздух перед Лешей сгустился, помутнел, через какое-то время на поверхность стола упала конфета «Мишка на Севере».

Проволоки остановились.

— Кушай, Лешенька, кушай, зайчик, — скрипуче пригласил джинн.

Чтобы довести эксперимент до конца, конфету надо было попробовать. Леша вздохнул — пожалел, что вместо сладкого не пожелал чипсов со вкусом сыра, но фантик развернул и конфету съел. Она оказалась точно такой же, как настоящая.

Теперь, пожалуй, можно было загадать желание посложнее. Но тут Леша с удивлением понял, что не знает, о чем просить. Он был сыт, одет, обут, жил в теплой комнате, наполненной нужными ему вещами, на Новый год у него будет гора подарков... и дедушка намекнул, что родители собирались подарить именно ту новейшую электронную игрушку, о которой он мечтал. Если попросить подарок у джинна, то получится, что родители потратят немалые деньги напрасно и вообще, наверное, огорчатся, что сюрприз не удался. Они давно шушукуются и замолкают при его приближении, а у самих на лицах сохраняется выражение радостного предвкушения.

Он придумает что-нибудь позже, а пока надо просить что-нибудь незначительное.

Наверное, голос Клавдии Васильевны напомнил Леше об истории с теми стихами, которые учительница пыталась заставить его выучить. Самое неприятное заключалось вовсе не в том, что стихи были нехороши, а в том, что родители тогда встали на сторону Клавдии Васильевны.

— Нельзя спорить с учителем, — произнесла мама и в поисках поддержки взглянула на папу. — Клавдия Васильевна старалась, сценарий писала, стихи подбирала, ей помогать надо было, а не палки в колеса вставлять.

Насупленный Леша отбивался:

— А чего она мне подсунула такое? Другим нормальное — «уж небо осенью дышало», а мне... такое.

— А «уж небо» — нормальное? — заинтересованно спросил папа, и мама, стремясь вернуть папу к предмету разговора, тут же наступила ему на край ступни.

Папа сразу кашлянул и строго сказал:

— В жизни, знаешь ли, сын, по-всякому бывает. Не каждый раз достается «уж небо осенью дышало». Иногда и эти... как их... слезинки да дождинки выпадают. Надо уметь принимать такие вещи стойко, как подбирает мужчине. Так что завтра ты подойдешь к Клавдии Васильевне и извинишься. И эти ее... «взвейтесь да развейтесь»... выучи, будь добр, к завтрашнему дню.

Леша припомнил тягостную сцену извинения, потом еще более тягостную сцену чтения стихов... что-то он там все-таки переставил местами, и Клавдия Васильевна после праздника разговаривала с ним таким тягучим ласковым голосом, что у Лешы зубы сводило...

Кажется, он знает, что можно попросить у Исполнителя.

ФАНТАСТИКА

— Пусть рано утром выпадет снег. И пусть снежинки будут большими... и одинаковыми. Не насовсем. До послезавтра, до вторника. У тебя ведь получится?

В понедельник первым уроком будет «Окружающий мир». Леша наберет в пластиковый стаканчик снега и покажет всем, в первую очередь учительнице, что был прав — снежинки могут быть одинаковыми. Раз в сто миллионов лет могут, и почему бы этому разу не случиться сейчас?

Исполнитель сначала долго молчал, затем издал серию звуков, напоминавших не то щелчки, не то цоканье языком. Цокал он тоже долго, потом чуть слышно загудел. Проволоки, остановившиеся на время разговора, начали набирать обороты и вскоре вращались с такой скоростью, что предмет, стоявший перед Лешей, потерял цвет и четкие очертания.

— Получится... — произносил механический голос, ничем не напоминавший ни голос Клавдии Васильевны, ни голос Нины Елистратьевны. — Получится... получится... получится...

В окно ударил порыв ветра.

Леша слез со стула и подошел к окну. Блестящими, расширенными от возбуждения глазами он глядел на черный вал, выползающий из-за горизонта. Тьма поглощала бледное зимнее небо и городские кварталы, как удав заглатывает добычу — с неумолимой настойчивостью.

Что-то похожее на громовые раскаты доносилось с той стороны.

В соседней комнате стало тихо.

Мурашки побежали по Лешиной спине. Что же говорила Клавдия Васильевна на том уроке? Отчего, в самом деле, снежинки все разные? Он тогда был занят... интересные слова пришли из ниоткуда, это оказалось важнее всего... он сочинял стихи и не запомнил ничего из объяснений учителя.

Леша обернулся посмотреть на размытое серое пятно, гудевшее над столом.

Когда он вновь взглянул в окно, клубящаяся чернота уже пожрала полгорода и приблизилась настолько, что стало видно — впереди нее идет что-то невидимое, что рушит высотные здания как карточные домики.

Лешина мама еще успела ворваться в комнату и вытащить его в коридор, но тьма пришла лишь на мгновение позже, и не было в этой тьме звезд.

